

ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЕ И ИДЕОЛОГИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВА ЕВРАЗИЙСКОГО НАЦИЕСТРОИТЕЛЬСТВА

Ренард-Коктыш А.В.

Начнем с того, что методологические основания геополитики весьма спорны, если они вообще есть. Их не было с самого начала: как известно, ни отец геополитики немец Фридрих Ратцель, ни его последователи — швед Рудольф Челлен, американец Альфред Мэхен, британец Халфорд Маккиндер и, наконец, немец Карл Хаусхофер — никаких ее методологических обоснований не создавали. Ратцель ограничился механистичным переносом метафоры дарвинизма в пространство мировой политики, и его ученики не представили доказательств справедливости и обоснованности такого переноса, сконцентрировавшись на легитимации либо сложившегося на тот либо иной момент политического статус-кво, либо экспансионистских амбиций держав, к которым вышеперечисленные авторы принадлежали. То есть, как известно, наиболее серьезный упрек критической геополитике по отношению к родоначальникам этого направления политической мысли, как известно, состоит в том, что достаточного убедительного объяснительного или прогностического потенциала не было сгенерировано.

Тот момент, что геополитика оказалась инструментом сферы пропаганды куда быстрее и эффективнее, чем инструментом научным, вполне возможно, объясняется спецификой *рефлексии ее конструкции*. То есть к сентенциям авторов за пределами критического на-

правления геополитики может быть предъявлена та же претензия, которую Пьер Бурдьё предъявлял к марксизму: отождествление потенции с экзистенцией, т.е. возможности быть или стать кем-то с тем, чтобы этим в действительности являться.

В частности, когда в геополитике речь идет о государство- и нациестроительстве, то между конфигурацией пространственного потенциала, с одной стороны, и реализацией вытекающих отсюда политико-экономических возможностей, с другой стороны, необходим промежуточный этап. Географически детерминированные имплицитные свойства государства, в терминологии Стейна Роккана, должны быть отрефлексированы его населением, чтобы в результате обрести успешное воплощение в легитимной национальной стратегии. Другими словами, для исследования формирования наций с общей идентичностью предлагается рассматривать:

геополитическое пространство, включающее территориальные ресурсы государства и интересы правящих элит относительно их перераспределения;

информационно-идеологическое пространство, к которому относятся установки населения (восприятие жителями ресурсного потенциала государства, надындивидуальные ценности жителей и их взгляды относительно места и стратегии своей страны в мире), с одной стороны, и направленная на их кор-

ректировку пропагандистская политика государства — с другой.

То есть схематично процесс формирования внешнеполитического процесса представляется так. На первом этапе — *назовем его геополитическим* — существует сумма объективных экономико-географических критериев, в числе которых, например, размер территории, количество соседей, морфология границ, ресурсная база, которые задают круг возможных при данном потенциале структур и стратегий. По поводу перераспределения этих ресурсов непременно возникает структура интересов в среде властных элит. На втором этапе — *информационно-идеологическом* — происходит легитимация власти преобладающими выбранным вектора политики, или, иначе говоря, формирование территориальной идентичности через продвижение национальной идеологии. Полноценная государственная идея имеет три уровня, регламентируя процедуры поведения, надындивидуальные ценности и мировоззрение граждан, направленные на благо государства и нации. Только в этом случае власти будут впоследствии иметь поддержку населения в непосредственном осуществлении этой стратегии.

В российском случае можно констатировать, во-первых, что обладание огромной территорией, наибольшим в мире количеством стран-соседей, множеством национальностей и достаточным запасом природных ресурсов исторически использовались смыслопроизводящими элитами для культивации идеи «исключительности» российского государства. В разные эпохи на уровне *tacit knowledge* это определяло властный стиль мышления как импер-

ский, что на практике превращалось то в расширение сфер влияния, то и вовсе во внешнюю экспансию.

Однако идеология СССР распалась, затем последовало разочарование в идеях свободного рынка и демократии, при этом новой идеи за пределами ресурсного освоения страны при трофейном способе хозяйствования сконструировано не было. Идеологическое конструирование в России было забыто, поскольку с началом 2000-х пришедшие к власти элиты могли не заботиться о легитимации своего статус-кво в глазах народа. Возросшие цены на нефтепродукты позволили вместо надындивидуальных ценностей разрешать социальные напряженности незначительным улучшением жизни населения. В результате общестрановой идентичности, необходимой с российским многообразием этносов и религиозных верований, не было сформировано. В информационно-идеологическом пространстве с начала 2000-х между строк транслировался политический миф о воцарении «золотого века» (процветания), непродуктивный в качестве основы для национальной идеологии, поскольку не побуждает граждан к действиям ради общенациональной цели.

Хотя преувеличением было бы говорить, что о поиске национальной идеи никто не заявлял, тема конструирования идеологий была маргинальной до последних месяцев, пока политическое руководство страны не заговорило о необходимости создать идеологию, лежащую вне принципов коммунизма, монархизма и ультралиберализма. Также в информационном пространстве появились сообщения о планах ввести ответственных за идеологию работников в учебных заведениях. Все это сделало исследование

вопросов идентичности и нациестроительства в России сегодня актуальным и опережающим время.

Интересно, что в Посланиях В. Путина Федеральному Собранию за время его пребывания у власти неоднократно звучал призыв реализовать неполитические ценности: «...трудиться на хорошей, интересной работе, строить бизнес, обзаводиться жильем, создавать большую и крепкую семью, воспитывать много детей, быть счастливым» (2012 г.). Однако такие личностные по масштабу ценности, по словам В. Путина, могут также становиться и надындивидуальными, то есть одним из «трех китов» идеологии. В выступлении Президента на встрече с представителями общественности по вопросам патриотического воспитания молодежи в сентябре 2012 г. говорилось, по сути, что получение гражданами качественного образования или их персональная забота о здоровье является личным вкладом каждого в формирование конкурентоспособной нации.

С другой стороны, в последний срок президентства Путина для России — на геополитическом уровне — была заявлена задача создания Евразийского союза интеграции с Белоруссией и Казахстаном. Идеологического наполнения объединение пока не получило, так как метафора евразийства на сегодняшний момент не обрела единого толкования: прагматически в основе лежит идея объединения экономик в объеме 300 млн населения, но примиряющей противоречия ценностной и мировоззренческой базы на сегодняшний день нет. К примеру, в отношениях с Евросоюзом это оказалось критическим еще при подписании Соглашения о партнерстве и сотрудничестве 1994 г., которое подраз-

умевало установление отношений на основе общих ценностей — погранных в результате Чеченской кампании и отставленных с установлением путинской парадигмы.

В сегодняшней ситуации создается впечатление, что ведение государственной политики сообразно с нравственными принципами приносит заметные дивиденды. Иллюстрацией может служить принципиальная победа российского руководства над американским по вопросу миротворческих бомбардировок в Сирии, когда В. Путин озвучивал риторику в духе не обычного в последние десятилетия реализма (страна борется за господство, потому что иначе ее съедят), а конструктивизма (у страны могут быть государства-союзники и международные обязательства). Пример обратного Россия демонстрирует по отношению к Украине, допуская порядок международного политического торга в духе «кто больше предложит», а не опираясь на привлекательную — пусть и не всегда за рамками информационно-идеологического аспекта — территориальную идентичность.

В конечном счете, если в российскую геополитическую стратегию входит распространение сфер влияния на пространстве Евразии в лице стран СНГ, и не только, форматы могут не сводиться к привлечению стран в интеграционные объединения. По Ч. Тилли, в эпоху постмодерна контроль над территорией не сводится к силовому, а подразумевает также и моделирование информационно-идеологического пространства. Для России вопрос тем острее, чем активнее на роль знаменателя в евразийском экономическом процессе сближения претендует Турция, продвигающая

принципы суннитского ислама. Для уменьшения издержек на транзакции без информационно-идеологического консенсуса здесь не обойтись.

Выстраивать помимо институциональной еще и ценностную основу отношений с соседями следовало бы вкуче с интеграцией российских меньшинств в единое культурное целое, формируя но-

вую российскую идентичность центра евразийской интеграции. В этом может помочь привнесение в геополитику компонента рефлексии, которая позволяет превратить это направление из архаичного во вполне функциональное, удовлетворяющее как требованием объяснительности, так и прогностичности, и ставить новые задачи.

Геополитическое и идеологическое пространства евразийского нациестроительства

Ренард-Коктыш Анна Витальевна, магистрант МГИМО(У) МИД России по направлению «Политическая экспертиза и GR-стратегии»
E-mail: renard.anna@gmail.com

***Аннотация.** В российском случае можно констатировать, во-первых, что обладание огромной территорией, наибольшим в мире количеством стран-соседей, множеством национальностей и достаточным запасом природных ресурсов исторически использовалось смыслопроизводящими элитами для культивации идеи «исключительности» Российского государства. В разные эпохи на уровне tacit knowledge это определяло властный стиль мышления как имперский, что на практике превращалось то в расширение сфер влияния, то и вовсе во внешнюю экспансию.*

***Ключевые слова:** геополитика, идеология, нациестроительство, Евразия.*

Geopolitical and Ideological Spaces of Eurasian Nation-Building

Renard-Koktysh Anna Vitalievna, Moscow State Institute of International Relations (MGIMO-University), Master's Student in Political Science
E-mail: renard.anna@gmail.com

***Abstract.** Russia's case demonstrates that huge territory, the biggest number of neighbouring countries in the world, numerous ethnic groups and sufficient reserves of natural resources have been historically used by elites to cultivate the idea of Russian state's exclusiveness. Over the various epochs it has determined the authorities' thinking style as an imperial one on the level of tacit knowledge, which has practically turned into extending the spheres of influence as well as into expansionism.*

***Key words:** geopolitics, ideology, nation-building, Eurasia.*